

Немирович-Данченко Василий Иванович

Походное дело

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Походное дело / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 66 с.

ISBN 978-5-519-99035-6

ISBN 978-5-519-99035-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

солдатика не томите; безъ надобности его подъ пулю, да на штыкъ не посылайте.

— Здорово, братцы?—послышался громкій голосъ ротнаго.

— Здравіяжелаемъ, ваше высокоблагородіе!

— Чай пили, говядину получили?

— Точно такъ.

— Ну, ребята, первыми въ походъ двигаемся. Помнить же, солдатъ съ солдатомъ воюй. Мирнаго жителя, будь онъ христіанинъ или турокъ, отнюдь тронуть не смѣй. Грабить да воровать не солдатское дѣло. Сдался тебѣ врагъ, ужъ не врагъ онъ—братъ, святѣй брата, потому что жизнь его на твоей душѣ. Обидѣлъ ты плѣннаго, все равно, что ребенка малаго обидѣлъ, ничѣмъ онъ тебѣ отвѣтить не можетъ... Въ походѣ сухарь береги, пуще глазу. Случится, что хлѣба, да мяса не будетъ, тогда сухарь тебя спасетъ. Другъ за друга, ребята, горой... Крѣпко одинъ другого держаться... Пovýдергай камни изъ стѣны—развалится... Въ кучкѣ и слабый силенъ. Въ бою помни одно: на выстрѣлы время не теряй и ура попусту не ори. Близо врагъ, въ штыки его,

Далеко — выжидай его на себя, коли въ немъ запальчивости этой много... Да мы съ вами еще по дорогѣ потолкуемъ. Помните только одно: я отъ васъ никуда, за то и вы отъ меня не отставай!..

— Рады стараться!..

II.

Бобровъ уже шелъ впереди съ офицерами; рота тоже свернулась въ походную колонну и двинулась въ порядкѣ пока по улицамъ города. За Свиштовымъ всякій пойдетъ, какъ хочетъ, лишь бы отсталыхъ не было. А тутъ порядокъ по-неволѣ соблюдаешь... Еще чего добраго на начальство наткнешься... За городомъ — строя не будетъ. Лишь бы въ кучѣ держались — не отставали.

— Отсталый — человекъ пропалый! — говорилъ имъ Бобровъ. — Ни заботиться о немъ некому, ни самому о себѣ подумать ему нельзя. Кругомъ чужая сторона, куда онъ пойдетъ, коли своихъ не догонитъ? А какъ ему догнать, коли онъ и рядомъ-то съ ними идти не могъ.

Одно ему—смерть въ одиночку. Коли врагъ не отыщетъ голодъ его найдетъ...

— Болгарина бы проводника надо... замѣтилъ старый субалтернъ Егоровъ.

— Да вотъ, кстати, у воротъ стоитъ... Эй, братушко!

Дончо, — это былъ онъ *), подошелъ къ Боброву.

— Не знаешь ли ты дороги на Тырново?..

Дончо, оказалось, знаетъ.

— Не проведешь ли насъ туда?..

— Все равно, въ ополченіе ли идти или съ ними. Такъ еще лучше, свободнѣе... мелькнуло въ головѣ у Дончо и онъ выпросилъ нѣсколько минутъ на сборы, обѣщая сейчасъ же догнать роту.

— Вотъ вамъ и проводникъ...—обернулся Бобровъ къ Егорову.—Сами нашли.

— Глупъ, кажется.

— Лишь бы дорогу зналъ...

Такимъ образомъ, Дончо попалъ въ роту

*) Дончо—болгаринъ изъ бѣглецовъ, у котораго турки зарѣзали отца и мать и раззорили домъ. До сего же онъ служилъ доктору Пастырелу и сестрамъ.

къ Боброву. Онъ, разумѣется, выѣхалъ на своемъ уныломъ конькѣ и съ неизмѣннымъ длиннымъ уродливымъ ружьемъ. За ротой онъ двинулся съ необыкновенной гордостью, самодовольно оглядываясь по сторонамъ. Въ немъ только шевельнулось сожалѣніе, что онъ не простился съ Пастыревымъ и съ сестрами, но честный малый боялся разжалобиться и остаться при нихъ, когда тутъ пришла настоящая пора „сичкихъ турцей порѣзать...“ (всѣхъ турокъ зарѣзать).

Прямо за Свиштовымъ дорога подымалась въ гору.

Сначала она была довольно широка. Потомъ Дончо вспомнилъ о существованіи тропинки, которая верстъ на шесть сокращала путь до Царевца, первой деревни къ Тырнову.

Онъ повернулся туда. Рота пошла за нимъ.

Узенькая дорожка скоро стала совершенной тѣсниной. Справа и слѣва точно давили ее отвѣсы, по которымъ ползла и цѣплялась всякая поросль. Небо вверху — голубая лента. Тамъ, гдѣ поросль гуще, и его не видно. Тропинка вся прячется подъ колеблющимися

зелеными сводами, чтобы сейчасъ же выбѣжать на припекъ или окунуться въ пыльную тѣснину. Версты черезъ двѣ Дончо вывелъ роту на турецкое шоссе. Тутъ путь былъ пробитъ въ горѣ. По сторонамъ давили его, точно двѣ стѣны, — прорванные порохомъ откосы. На сѣверѣ былъ виденъ весь млѣвшій въ солнечномъ блескѣ, съ своими безчисленными зелеными островами, Дунай. Кое-гдѣ, какъ золотая коса, горѣла песчаная отмель... На югъ — прохладная лощина Царевца... Жалкія кровли убогихъ домовъ ютятся внизу поближе къ гремучему ружью... Кругомъ сады... Оттуда пахнетъ цвѣтами... Въ одномъ изъ дворовъ (сверху видно какъ на ладони) казацкія лошади привязаны въ тѣни высокой стѣны. Сами Гаврилычи *) тамъ же спятъ себѣ подъ густыми деревьями, точно и дѣла имъ нѣтъ, что отовсюду можетъ подобраться лукавый врагъ... Даже аванпостовъ не поставили. Такія же группы коней и казаковъ по другимъ дворамъ...

— Пугните-ка ихъ, что будетъ.

Бобровъ приказалъ.

*) Такъ называли каз бевъ.

Еще не успѣлъ грохотъ нѣсколькихъ выстрѣловъ замереть въ окрестныхъ ущельяхъ, какъ со всѣхъ дворовъ Царевца стали выскакивать донцы и строиться на небольшой площадкѣ. Суета стояла страшная. Нѣкоторые бросились изъ села прямо въ лощины; другіе полѣзли на скаты горъ, точно со-слѣпу. Отрядъ, построившійся подъ командой офицера, не выславъ впередъ разъѣзда, не собравъ товарищей, двинулся по направленію къ Свиштову. Только приближеніе роты заставило его пріостановиться.

— Куда это вы?—спросилъ Бобровъ у казаковъ.

— Опасно... Тутъ черкесы-те, должно, путаются... Видимо-невидимо... Уходить надо, потому что мы безъ пяхоты...

— И много ихъ? — едва скрывая улыбку, спросилъ Егоровъ.

— Должно много... Видимо-невидимо... Тутъ пяхота нужна... Нешто кавалеріей защитишь?..

— Куда-же тѣ-то дѣлись? — указалъ Бобровъ на разсыпавшихся по горамъ донцовъ.— Пропадутъ, вѣдь.

— Донцы не пропадутъ;—съ увѣренностью отвѣтилъ есауль... — Мои „землеѣды“ вездѣ выдержатся. Рекогносцировочку сдѣлаютъ и назадъ. Это у меня первые казаки; сами, безъ команды, пошли высмотрѣть непріятеля...

Дѣйствительно, кое-кто изъ нихъ уже показывался на верхушкахъ холмовъ; другіе рискнули заглянуть и въ ущелья. Скоро они потянулись къ отряду. „Ничаво нѣтъ, ваше благородіе!“ докладывали они есаулу.

— Какъ-же ничаво нѣтъ, коли стрѣляли?..

— Стрѣлять стрѣляли, а только ничаво нѣтъ. Пусто кругомъ.

— Вы это про какіе выстрѣлы?.. — не выдержалъ Бобровъ.

— Да тутъ слышно было... Со всѣхъ сторонъ такъ-те отдалось...

— Четыре выстрѣла мои солдатики сдѣлали. Больше ничего и не было.

— А мы думали, нивѣсть что... Черкесу этого много по окрестностямъ... Полагали, что идутъ на насъ. А что мы безъ пяхоты? тутъ пяхота нужна...

Здѣсь рота остановилась на привалъ. Боб-

ровъ обходилъ солдатъ, осматривалъ экстракторы у ружей, повѣрилъ патроны и сухари. Потомъ онъ отошелъ въ сторону и задумался. Порученіе дали ему не безопасное.

Верстахъ въ десяти отсюда деревушка, Хаджи-бай. Туда засѣли черкесы и баши-бузуки. Ихъ-то и приказано ему выбить оттуда съ своею ротой. Еще до вечера онъ дойдетъ туда, но нападеніе придется сдѣлать въ сумерки... Днемъ—безполезная трата людей...

— Будетъ еще привалъ или нѣтъ?—подошелъ къ нему Егоровъ.

— Зачѣмъ вамъ?—очнулся Бобровъ.

— Да если будетъ, такъ солдатики тамъ и перемѣнятъ бѣлье... Вы сами знаете,—стародавній обычай все чистое надѣть передъ боемъ...

— Передъ атакой отдохнемъ въ лѣску... Тамъ и справимся. Ну, съ Богомъ, дальше!..

III.

Къ опушкѣ лѣса высланъ секретъ. Солдаты неслышно, отводя кусты руками, проскользнули туда и залегли въ траву...

Въ верстѣ отъ нихъ, на голомъ холмѣ, — бѣлый минаретъ мечети, сѣрые изгороди и глиняныя сакли черкесскаго поселка Хаджибай... Тамъ виденъ народъ. Вонъ лошадей поить повели; вонъ, двѣ папахи мелькнули въ кукурузномъ полѣ... Чуть колышетъ вѣтеръ его зеленые стержни, шелестъ несется прямо къ секрету... Должно быть, черкесы уходить собираются. На концѣ поселка скрипятъ арбы, гдѣ-то слышится плачъ... Притаились наши и не дышать.

Аванпосты разставлены вокругъ бивуака въ самомъ лѣсу.

Тишина такая, что никому-бы и въ голову не пришло предполагать здѣсь роту солдатъ, выжидавшую только сумерекъ, чтобы двинуться въ бой.

Густыя ивы переплелись вверху; зеленый червь до того изѣлъ ихъ листву, что вся она сквозная стала, словно стрѣкозиныя крылья. Изрѣдка прощальные лучи солнца золотымъ дождемъ пронизываютъ чащи и щедро сыплются на стройныя акаціи. Желтыя кисти цвѣтовъ вспыхиваютъ подъ этимъ дождемъ огни-

стымъ блескомъ. Точно тамъ въ сумракъ зеленой чащи, красиво рдѣютъ ключья яркаго пламени... Кое-гдѣ по оврагамъ непроницаемыми сводами переплелся иглистый шиповникъ... Густой запахъ розъ чуть не кружить головы солдатамъ, высланнымъ въ цѣпь.

Звѣньями, по трое, стала цѣпь и чутко сторожить всякій шорохъ. Гдѣ-то вѣтка сломалась и упала, шурша, въ густую траву. Солдатъ изъ цѣпи переползъ туда: не чужой ли крадется...

— Смотрите-же, братцы, какъ тронемся впередъ, чтобы все тихо было. Пригоните котелки такъ, чтобы они у васъ о тесаки да о ружья не бились. Разговаривать — сохрани Богъ. Доберемся, горнистъ сигналъ вамъ дастъ, барабанщики забьютъ атаку, я васъ тогда и поведу. Тогда ура ори во все горло. Оглушимъ его... А до тѣхъ поръ ни слова.

Солдаты, слушая Боброва, мѣняли онучи, рубахи. Старое бросалось тутъ-же въ траву.

— Алексѣй,—передавалъ одинъ ефрейторъ старому унтеръ-офицеру:—коли что со мной случится,—тутъ у меня на шеѣ двадцать три